

ЦВЕТЫ В ПЕРЕВОДЕ — ВЫЗОВ ПЕРЕВОДЧИКУ

БАРБАРА ЛЕННКВИСТ

(Турку, Университет Академия Або)

Ахматовские сорняки

Когда вышел сборник моих переводов поэзии Ахматовой на шведский язык, одна рецензентка, знающая русский, писала: «Барбара Леннквист декларирует, что “ответственность за выбранные Ахматовой слова было самое главное в переводе”». И она продолжает: «Так говорит литературовед/лингвист, а тот факт, что “kardborre” стало “pestrot”, наверное, можно отнести к ее финско-шведскому говору» (Uppsala Nya Tidning. 2008. 23 maj).

Рецензентка не говорит, в каком стихотворении она нашла эту замену в названии растения, но, по всей видимости, речь идет о следующих стихах:

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я *лопухи* любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.

Men jag växte upp i en skönt utsirad tystnad
i det unga seklets svala barnkammare.
Jag höll aldrig av människorösten
Men vindens röst förstod jag.
Jag älskade *pestroten* och nässlan
Men kärast var mig ändå silverpilen.

Если бы я удовлетворилась обыкновенным русско-шведским словарем (напр., *Norstedts gyska ordbok*, 2006, 141 тыс. слов), то могла бы написать “*kardborre*” без лишнего обдумывания. Но как литературовед, я давно знаю, что для поэтов слова живут не в словарях, их жизнь и значение определяются окружающей поэта реальностью. Лопух же имеет для Ахматовой особый смысл, он описан в ее воспоминаниях о Царском селе:

...комната: окно на Безымянный переулок... который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, роскошной крапивой и великанами-лопухами (из Записных книжек).

Итак, из окна ее комнаты можно было видеть разные сорняки: репейники, крапиву и великаны-лопухи. Значит, лопух — нечто другое, чем репейник (который обычно переводится как *kardborre*).

Как ботаник, я иду дальше. Чтобы сделать перевод, нужно найти латинское название. Открываю Даля, собирателя народных названий, и обнаруживаю целую «полянку» сорняков:

Ла(о)пух, лапушник, м. *Лапуха* ж. растение *Arctium lappa*, репейник, чертополох, широколистная сорная трава, дедовник, мордвин, татарин. <...> *Лапуха студеная*, *Tussilago farfara*, подбел или матерник, также матимачиха, белокопытник, двоелистник <...> *Лапуха*, растение *Petasites offic.* *Царь-трава*, подбел, чумный корень [Даль: 2, 238].

Если пойти по латинским названиям, то выходит маленький букет народных шведских названий. То, что называется *лапухой*, может быть: (*Stor*)*kardborre*, *hästhov*, *pestskråp/pest(ilens)rot*. Все они одного семейства — *Asteraceae* (*Compositae*). Что же выбрать из этих трех?

Kardborre исключается, т. к. Ахматова различала лопух от репейника. *Hästhov* никогда не станет «великаном», и вообще это растение обычно называется мать-и-мачехой (так и у Даля). Остается *pestilensrot/pestskråp*, и тут к нам приходит на помощь сам

Даль, дающий название *Царь-трава*, что говорит о размере растения («великаны-лопухи» у Ахматовой).

Итак, мой метод установления названия растения можно описать следующим образом:

- выяснение, появляется ли растение в других контекстах у поэта.
- Если приведено народное название, то искать латинское.
- Справиться в ботаническом атласе, как выглядит растение. Похоже ли описание растения у поэта на реальный его образ?
- Если на шведском языке у растения много названий, то выбрать лучшее по форме и звучанию.

Можно еще прибавить, что именно сорняки играют большую роль в поэтике Ахматовой, о чем свидетельствуют следующие строки (где снова появляется лопух):

Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда.

По-шведски:

Och dikten känner ingen skam,
 Ur ogräs växer den
 Likt maskrosen vid planket,
 Pestroten och mållan.

Стихи написаны в 1940 г., но *лебеда* появляется еще в первом сборнике стихов Ахматовой (1911). Как известно, она хотела даже назвать сборник «Лебеда», но ее отговорили от этого.

Я на солнечном восходе
 Про любовь пою,
 На коленях в огороде
 Лебеду пою.

I soluppgången
sjunger jag om kärlek,
på knä i trädgårdslandet
rensar jag mållor.

Можно даже собрать «букет» ахматовских цветов из тех растений, которые более частотны у нее: лебеда, лопух, крапива — все они растут *наперекор*, как и ее стихи, которые скоро будут рождаться наперекор времени и его требованиям.

Толстой-ботаник

При переводе *Хаджи-Мурата* Толстого уже на первых страницах я встретила множество цветов, из которых рассказчик собирает свой букет. Тут мне помог тот факт, что цветы не только подробно описаны, даже их запах дается («душистые, с своей прелой пряной вонью», «со своим медовым запахом», «с чуть слышным приятным запахом, с миндальным запахом»).

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой «любишь-не-любишь» с своей прелой пряной вонью; желтая сурепка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие, цветы повилики.

В ботанических справочниках сведения о запахе обычно не даются, так что тут пришлось полагаться на собственные знания о цветах.

Кашка

Исходя из латинского названия, приведенного у Даля, можно было выбрать или *röllika* или *klöver* для кашки. Но душистые, пушистые решило дело — цветы были *klöver*.

Маргаритки

Международная маргаритка не представляла никакой трудности — это шведская *tusensköna*.

Любишь-не-любишь

Детская игра срывания лепестков у ромашки для установления любви или нелюбви друга распространена также в шведской культуре и подвела к *prästkraze*, (*Chrysanthemum leucanthemum*), что подкреплено описанием (молочно-белые с ярко-желтой серединой: “en klargul mitt”, “mjölkvita kronblad”) и запахом (“lukt av multnade kryddor”). Но в шведском тексте цветок будет, как в русском, метафорическим “älskar-älskar ej”.

Сурепка

Сурепка была для меня неизвестна по-русски. После консультации у Даля я поняла, что речь шла о семействе *Brassica*, по запаху (медовый) я могла исключить *raps* и *rybs*, och остановилась на *åkersenap* (*Sinapis arvensis*). Имелось все же небольшое сомнение. У Даля сурепка может быть и *Barbarea vulgaris*, что по-шведски *sommargyllen*, похожее, но не идентичное *åkersenap*.

Для не-ботаника *sommargyllen* — незнакомое слово, по крайней мере, он знает *sommargylling* — но это же птица (иволга)! Другая ассоциация оказалась почти комичной. Иногда сурепкой зовут *Bunias orientalis*, хотя обычно под латинским названием подразумевается свербига. Но по-шведски свербига-сурепка имеет забавное название *ryssgubbe* (буквально «русский дед/дедовник») так как само растение — иммигрант с востока. Не мог же Толстой собирать какого-то «русского деда» на поле!

Колокольчики

Колокольчики не представляли никакой трудности. Определения «лиловые и белые» указали на *ängsklockor*.

Ползучие горошки

Ползучие горошки были, конечно, из семейства *Vicia* или *Lathyrus* и стали в шведском переводе *vicker och vial*.

Скабиозы

Для этого растения Толстой дает латинское название *Scabiosa*, собирательное для этого семейства. Они по-шведски все *vädd*, но тут проблема была в определении «аккуратные». Слово указывает на форму цветка — по-шведски я выбрала “*den stadiga vädden*”.

Подорожник

Обычно *подорожник* переводится как *groblad*. Но тут сам цветок описывается как «чуть розовый пух» (“*svagt rosa ludd*”), а шведский *groblad* такого не имеет. У Даля я нашла, что *подорожник* не только *Plantago media*, но также *Polygonum aviculare*, что привело меня к *trampört*, который имеет маленькие розовые лепестки, покрытые пухом.

Василек

Описание василька (*blåklint*) у Толстого поэтичное и очень точное: “*grant blå lyser den unga blåklinten i solen men mot aftonen och ålderdomen bleknar den och övergår i rött*” (васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость).

Повилика

И наконец *повилика*, которую можно узнать по описанию: «и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие» (“*den ömtåliga, svagt mandeldoftande åkervindan, vars blommor vissnar på ett ögonblick*”).

Таким образом, шведский перевод получился таким, что и ботаник может оценить точность и поэтичность толстовского текста:

Vid den här tiden på året blommar en mångfald blommor som vackrast. Röda, vita, rosa sprider de ulliga klöverblommorna sin doft, uppnosiga står tusenskönorna, runt en klargul mitt grupperar sig prästkragens mjölkvita kronblad — “älskar, älskar ej” — och luktar av multnade kryddor. En doft av honung kommer från den gula åkersenapen och där reser sig stänglarna av violetta och vita tulpanformade ängsklockor. Intill kryper vicker och vial, gula, röda, rosa och lila lyser blommorna på den stadiga vädden. Svagt doftar trampörtens ljusröda luddiga blommor, grant blå lyser den unga blåklinten i solen men mot aftonen och ålderdomen bleknar den och övergår i rött. Ömtåliga är åkervindans mandel-doftande blommor — de vissnar på ett ögonblick.

Смысл сбора цветов у Толстого ясен. Перед нами многообразие и богатство природы, еще не тронутой рукой человека. Это станет еще нагляднее в следующем описании поля, по которому уже прошел плуг:

Пахота была хорошая, и нигде по полю не виделось ни одного растения, ни одной травки, — все было черно. «Экое разрушительное, жестокое существо человек, сколько уничтожил разнообразных живых существ, растений для поддержания своей жизни», — думал я, невольно отыскивая чего-нибудь живого среди этого мертвого поля.

Plogen hade gått djupt och ingenstans på fältet syntes en enda växt, ett enda grässtrå — allt var svart. “Vilken förstörande grym varelse är inte människan, hur många olikartade levande väsen, växter har hon inte utrotat för sitt livsuppehälle”, slog det mig när jag ofrivilligt med blicken sökte efter något levande på det döda svarta fältet.

Но самым символичным в рассказе Толстого, конечно, является тот *репей*, который заманивает собирателя цветов своим ярко красным цветком и своей статностью. Писателю Толстому он нужен своим народным названием «татарин»:

Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется «татарин» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. <...> Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета.

Шведское слово для репея-татарина было нетрудно подобрать. Но семейство *Cirsium* (*Carduus*) включает в себя разные варианты репейников (у Даля находим среди народных названий не только «татарин», но и «царь-мурат»). Описание самого цветка привело меня к шведскому *tistel*, а не к *kardborre* (где подчеркивается скорее свойство прилепяться; кстати, у Даля есть и *лепельник*). А при слове *tistel* сразу перед глазами возникают красные цветы, статность и некая грубость. Это не цветок для букетов.

Jag plockade en stor bukett olika blommor och skulle just fortsätta hemåt då jag i diket fick syn på en fantastisk hallonröd *tistelblomma* av den sort som hos oss kallas “*tataren*” och som man försiktigt kringgår när man slår höet. Skulle den ändå bli slagen plockar slätterkarlarna bort den från höet så man slipper sticka sig på den. Jag fick för mig att bryta av *tisteln* och låta den bära upp min bukett. [...] När jag äntligen fick av *tisteln* var stjälken i trasor och blomman tycktes nu mindre fräsch och inte alls så vacker. Dessutom var den för vild och grov för att passa in bland de spröda blommorna i buketten.

Подробное описание цветов в *Хаджи-Мурате* имело символическое значение и требовало особенного внимания, а во многих других случаях мы имеем дело только с некой природной реальностью. Но если растение появляется под народным названием, для переводчика это всегда означает маленькую ботаническую экскурсию. Примером может служить

Машкин сладкий корень

В *Войне и мире* мы встречаем растение, которое солдаты Павлоградского полка называют «машкин сладкий корень»:

Павлоградский полк в делах потерял только двух раненых; но от голоду и болезней потерял почти половину людей. <...> С открытием весны солдаты стали находить показывавшееся из земли растение, похожее на спаржу, которое они называли почему-то машкин сладкий корень, и рассыпались по лугам и полям, отыскивая этот машкин сладкий корень (который был очень горек), саблями выкапывали его и ели, несмотря на приказы не есть этого вредного растения. Весною между солдатами открылась новая болезнь — опухоль рук, ног и лица, причины которой медики полагали в употреблении этого корня.

Эпизод с ядовитым корнем служит Толстому для критики снабжения армии продовольствием и описания деградации храброго гусара Денисова, который не безразличен к голоду своих солдат. Толстой тут пользуется словечком солдат («машкин») для растения *марьян корень*. Так как само растение (*Paeonia anomala*) отсутствует (как дикое) в шведской культуре, и в садах его знают только как *пион*, было решено оставить народное, солдатское название и перевести его прямо — *Marie sötrot*. Тем более что в Швеции есть разные цветы, носящие имя *Мария* в своем народном названии, как например орхидея *Jungfru Marie hand* (*Orchis maculata*, ру. пальчатокоренник пятнистый).

Pavlograd-regementet hade kommit ur striderna med bara två sårade, men nu gick nästan halva regementet under av hunger och sjukdom. <...> När våren kom upptäckte soldaterna en växt som liknade sparris, som de började kalla "Marie sötrot", och i jakt på den spred de sig över ängar och fält, grävde med sablarna upp den och åt "sötrotten" (som egentligen var rätt bitter), trots att de förbjudits att äta den skadliga växten. Snart uppenbarade sig bland soldaterna en ny sjukdom — händer,

fötter och ansikte svällde upp och läkarna antog att det berodde på växten.

Ботаническая экскурсия по произведениям Толстого и Ахматовой показывает, насколько подробным и точным было их знание цветов. Было бы грех не найти им соответствия в шведском переводе и не постараться показать шведскому читателю всю палитру многокрасочного и многозначного «русского цветника».

Литература

Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы / Подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л., 1976.

Владимир Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.

Война и мир, Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1980. Т. 5. С. 133.

Хаджи-Мурат, Толстой Л. Н. Повести и рассказы 1903–1910 // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1983. Т. 14. С. 22–23.

Anna Achmatova, *Dikter*, Urval och översättning Barbara Lönnqvist, Stockholm 2008 (Lind&Co).

Leo Tolstoj, *Hadji-Murat*, Översättning och efterord Barbara Lönnqvist. Stockholm 2006 (Lind&Co). p. 7–9.

Leo Tolstoj, *Krig och fred I–IV*, Översättning Barbara Lönnqvist, Stockholm 2017 (Lind&Co). vol. II, p. 153.